ФИЛОСОФИЯ

Дорфман Татьяна Васильевна
канд. филос. наук, доцент кафедры журналистики и речевой коммуникации
ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»
г. Магнитогорск, Челябинская область

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация*: в статье рассмотрены интерпретационные возможности языка, сделан философско–онтологический анализ языка с точки зрения феноменологического, структуралистского, герменевтического подходов, обосновано положение, что язык является не только средством общения, но и средством общности между автором, героями и читателем–интерпретатором, средством выявления и познания смысла художественного текста, средством интерпретации художественной плоти произведения.*

Ключевые слова*: интерпретация, понимание, язык, смысл, смыслообразование, смысловыявляющая деятельность, художественный текст.*

В современной филологии, в том числе и отечественной, наблюдается многообразие подходов к интерпретации художественного текста. Для одних исследователей важно выявить социально–исторический аспект произведения литературы как условие его понимания (В. Дильтей, В.М. Жирмунский, Д.С. Лихачёв, Г.П. Макогоненко, Г.Н. Поспелов, М.Б. Храпченко), для других – личностно–авторский аспект (О. Пресняков, В. Розанов, Л. Шестов, В. Эйдинова), для третьих интерпретация предполагает осмысление не менее двух индивидуальных «Я» или культур друг через друга (М. Бахтин, В. Библер, Ю. Хабермас). Однако при любом понимании интерпретации художественного текста необходимо выявить

роль языка. Поэтому так важно обратиться к философскому анализу языка как условию (средству) интерпретации художественных текстов.

В философской литературе вопрос об интерпретации собственно художественного текста (а не только гуманитарного) и, в частности, роли языка в этом процессе, разработан недостаточно полно, что и побудило нас обратиться к данной проблеме.

Язык в его субъективности и смысловой нагруженности может быть средством интерпретации текста при условии наличия в нём определённого интерсубъективного знания и смысла, которые обнаруживают себя в процессе человеческой деятельности. В результате, обнаруживается зависимость между пониманием сущности и функций языка и его субъекта, а именно: выделение в качестве языкового субъекта индивида, как представителя надындивидуального бытия языка, с одной стороны, позволяет выявить гносеологическую функцию языка, но, с другой, исчезает проблема интерпретации, ибо многозначность языка выступает как отклонение от нормы, а понимание сводится лишь приведению к норме.

Напротив, выделение индивидуальности в функционировании языка, как определяющей его сущность, позволяет рассматривать язык как самостоятельное бытие и самодостаточный субъект. Но в такой трактовке возникает новое противоречие: исчезают общие критерии смысла и понимания в функционировании языка, а интерпретация трактуется субъективистски.

Мы выделяем в качестве субъекта языка индивида. Однако индивид способен быть субъектом языковой деятельности только в процессе диалога с другим субъектом (индивидом, группой, обществом), так как в диалоге становится и функционирует индивидуальный язык как способ самовыражения «Я» через «Ты» и понимания языка «Другого» через языковые феномены «Я». А значит, носителем языка является индивид как представитель ситуации диалога, овладевший языком как средством коммуникации. Но являясь средством коммуникации, обладает ли язык художественного текста самостоятельным носителем смысла или смысл вносится извне субъектом речи.

Исторический и логический анализы различных концепций позволили выделить несовпадающие трактовки смысла языка и текста. При номиналистически–инструменталистском подходе смысл является внешним для языка. Он представляет собой лишь объективированную форму мысли, то есть значение лежит не в самом слове, а в понятии, которому это слово соответствует как знак.

Лингвистический позитивизм, настаивая на ситуационном характере языка, рассматривает значение слова как его употребление. Такой подход не способен решить проблему референтности языка, а интерпретацию сводит к «переводу» и языковым играм.

Понимание языка как «дома бытия», по словам М. Хайдеггера, приводит к признанию того, что язык творит смысл, в котором язык вместе с автором со–устраивает смысл [1, с. 46].

В структуралистской концепции смысл присущ не отдельным словам, а тексту, где смысл образуется как следствие структурирования отдельных элементов, а язык выступает в роли смыслообразующего бытия.

Именно понимание субъекта языка как диалога позволяет преодолеть крайности объективистских и субъективистских концепций смысла языка.

Язык правомерно рассматривать как потенциальное пространство смысла. Смысл возникает в процессе коммуникации как взаимное присвоение чужого смысла, как понимание «Другого». Это возможно благодаря двойственной природе языка. В нем, с одной стороны, заложено некое надындивидуальное содержание, заданное принятыми в данном коммуникативном сообществе нормой и стандартами, то есть существует возможность обнаружения смысла; с другой стороны, это объективная и нормативная потенция становится действительным смыслом только в индивидуальном функционировании языка. Смысл проявляется в диалоге как ответ на поставленный вопрос, но не в качестве заранее актуально существующего, а как сотворчество субъектов.

Но смысловое многообразие литературного текста многолико: это может быть смысл объективного мира, который стал предметом отражения в произведении; это может быть смысл, вкладываемый самим автором; наконец, это

смысл, который вкладывает читатель. Поэтому и существует проблема множественного прочтения произведения, ибо в последнем заложена та бездна неиссякаемых смыслов, готовых всегда открыться читателю в процессе сотворчества автора текста и интерпретатора.

Художественное произведение, прежде всего, есть субъективное понимание и отражение мира. Субъект в произведении удваивается, утраивается и т.д., так как субъектом здесь выступает и автор как историческое лицо, который выражает какой–либо смысл и который несёт этот смысл для другого в образе героев произведения, и автор как прочитанный персонаж (автор–повествователь, автор–рассказчик), и читатель, который переводит смысл автора в свой смысл, но уже через героев произведения, наконец, субъектом является и критик (комментатор). Причём критик истолковывает смысл произведения, вложенный самим автором, и доносит его до читателя, в то же время он выступает интерпретатором автора, но не для автора, а для читателя. Поэтому любой (даже достаточно простой) текст может быть истолкован с различных позиций.

Интерпретация может рассматриваться как обнаружение смысла, соответствующего объекту отражения (критический реализм, марксистская эстетика), где проблема понимания выглядит как интерпретация в прямом смысле. А так как важнейшей специфической чертой художественного текста выступает присутствие в нём авторской позиции, его отношения к изображаемому, следовательно, интерпретация текста может выступать как интерпретация самого автора, его экзистенциальности. Однако истолкователь не в состоянии слиться с автором, отказаться от собственного «Я», что создаёт в филологии ситуацию произвольности и субъективизма, утрачиваются черты научности литературоведения.

Интерпретация произведения предстает и как пред–понимание или начальное читательское самоопределение собеседников; как анализ структуры текста или познания «чужого языка» автора; как решение проблемы «герменевтического круга», где схема герменевтического приключения предстаёт как опреде-

лённая последовательность действий: загадка смысла, поиск смысла, смыслообразование (кумулятивное звено) и обретение смысла. Герменевтическое пониманием, по мнению Г. Гадамера, основывается именно на том, что понимание всегда возможно описать как «множество вариаций», «множество значений» и «множество смыслов» [2, с. 87].

С точки зрения постструктуралистов, чтобы понять произведение и расшифровать заложенный в нём смысл, необходимо по тексту восстановить авторский код, то есть акт понимания здесь осуществляется путём последовательного осмысления семантических уровней и постепенного погружения в текст. Автор на всех его уровнях устраняется, отсюда напрасна и «расшифровка» текста. Присвоить тексту автора – значит как бы застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо. Литературный текст же, как трактует Ж. Деррида, в связи со «смертью автора», предстаёт как простое изложение, поэтому интерпретация в дальнейшем рассматривается как деконструкция, а не поиски смысла.

Истолкование может выступать и как вопрошание, как бесконечный диалог, с точки зрения М. Бахтина, ибо произведение литературы предстает как диалог двух субъектов, как диалогическое взаимопроникновение двух сознаний (авторского и читательского), причём активность познающего сочетается с активностью открывающегося; умение же познать – с умением выразить себя, где «Я» существует для другого и с помощью другого. То есть, истолкование текста есть постоянный диалог между автором и «вопрошающим» читателем, между автором и героями произведения, между героями и читателем с одновременным диалогом, интересного и неинтересного, понятного и непонятного, «своего» и «чужого».

Следовательно, интерпретация, как выявление смысла, есть бесконечный процесс истолкования и завершённой быть никогда не может.

Язык выступает инструментом интерпретации художественного текста. В настоящее время не прояснёнными остаются вопросы, связанные со специфиче-

ским своеобразием языка как средства общения и как инструмента интерпретации в художественном произведении. Исследуя данную проблему, невозможно не обратить внимания на особенности художественного слова, ибо словесная сторона материализует текст произведения.

Способность текста воздействовать на интеллект читателя, провоцируя к творческой интерпретации произведения, заключается в самой природе материала, из которого создан текст. Слово имеет колоссальные возможности познания объективной действительности и оценки последней в словесной плоти произведения. Слово, выполняя свою художественную функцию, является и важным мостиком, связующим элементом между автором, повествователем, героем и читателем–интерпретатором во всех возможных сочетаниях: автор и повествователь, автор и персонажи, автор и читатель, читатель и герои произведения. Понимание на уровне автор–произведение–читатель всегда связано с погружённостью в язык художественной словесности. Читатель взаимодействует с предметами, наделёнными смыслами и значениями, самого литературного произведения и как бы начинает «жить» жизнью этого произведения.

Толкование языка как средства интерпретации зависит от понимания сути языка и его функций. Номиналистический подход в языкознании приводит к упрощённому пониманию смысла как знака вещи. Смысловыявляющая деятельность мышления оборачивается своей бытийноформирующей стороной, отсюда, по В. Гумбольдту, «язык – не результат, а деятельность» [3, с. 69–70].

Смысловая роль языка связана с пониманием структур произведения. Как предлагает Ю. Лотман, от понимания текста как манифестации языка к пониманию текста, порождающего свой язык. Но овладение только языковым кодом оказывается недостаточно, необходимо овладеть социально–культурным кодом автора, той эпохи, на языке которого ведётся «коммуникация», теми знаниями и представлениями, которые присущи той эпохи и которыми пользуются все субъекты данного лингво–культурного сообщества. Акт коммуникации здесь предстает как акт перевода и акт трансформации, ибо текст трансформирует язык,

устанавливает контакт между автором и читателем, трансформирует самого читателя. Более того, художественный текст трансформируется сам и перестаёт быть тождественным самому себе, поэтому в процессе интерпретации структура произведения постоянно усложняется, а семантика и язык обогащаются [4, с. 113–114].

В постструктурализме художественное произведение представлено как обезличенная деятельность (автора нет, автор умер). В результате не «я» (ни автор, ни герои произведения и ни читатель), а сам язык действует [5, с. 386].

Автор произведения есть всего лишь тот, кто пишет, язык знает субъекта, но не «личность»; и этого субъекта, определяемого внутри художественного текста и ничего не содержащего вне его, хватает, чтобы «вместить» в себя весь язык, чтобы исчерпать все его возможности. Язык, по мнению Ж. Дерриды, как система следов (фонетических и графических элементов, переплетающихся между собой) создаёт единый текст, однородную ткань художественного произведения.

Активный характер язык в художественном произведении проявляет себя не только как посредник, но и как сам доносящий нужный смысл произведения. Через сокрытие, через тайну, через «вопрошание» языка, как самого произведения, так и интерпретатора, возможно понимание и постижение смысла литературного текста. Язык творится только затем, чтобы растворится в донесении смысла. Поэтому художественный язык (как посредник) доносит нужный смысл произведения, усмотренное и понятое, приближает неявное. Таким образом, активный характер литературного языка выводит в явленность смысл произведения. Участвуя в процессе понимания, он предстаёт как собрание смыслов и значений в литературе через высказывания и суждения в виде слов–образов и вещных феноменов, что позволяет свести интерпретацию к феноменологическому анализу.

Наиболее полно свою функцию носителя смысла язык обнаруживает в диалогичности текста. Язык выступает посредником в процессе интерпретации, где он сам обращён и говорит к читателю–интерпретатору через текст литературного произведения. Он оказывается как бы «условием» самого себя, и как «условие»

бытия язык находится «у» самого себя или «внутри себя». Это даёт представление о языке литературы как «слова–у–слова», когда язык находится в состоянии «договорённости», согласии с самим собой, самопонимании, где точкой самопонимания выступает автор (автор–создатель, автор–критик, автор–интерпретатор, автор–читатель).

Язык есть не только обязательное условие создания текста произведения, но и условие диалога между автором, героями и читателем как интерпретации текста. Причём изображаемый язык несёт на себе круг чужих интенций, стремящихся изменить первоначальный смысл произведения. В результате текст приобретает новое звучание и смысловое значение. Обнаруживая такой активный характер в процессе интерпретации, язык сводит друг с другом автора произведения, героев и читателя в «большом диалоге». Поэтому чтобы понять смысл художественного произведения, необходимо понять язык каждого персонажа, уловить тайну диалога, который возможен не только между героями произведения, но и между автором и читателем, между героями и читателем.

Таким образом, язык произведения литературы – не только средство написания и создания художественного творения, но и средство общения и средство общности между автором, героями и читателем–интерпретатором и, как результат, средством выявления и познания смысла художественного текста, средством интерпретации художественной плоти произведения.

Список литературы

1. Дорфман, Т.В. Язык как способ интерпретации художественного текста: дис. … канд. филос. наук [Текст] / Т. В. Дорфман. – Магнитогорск, 2002. – 154 с.

2. Там же. С. 87.

3. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] /В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984.

4. Дорфман, Т.В. Язык как способ интерпретации художественного текста: дис. … канд. филос. наук [Текст] / Т. В. Дорфман. – Магнитогорск, 2002. – 154 с.

5. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 615 с.